

Политическая лингвистика. 2026. № 4 (118).

Political Linguistics. 2026. No 4 (118).

УДК 811.531'42+811.531'373+81'27

ББК Ш175.41-51+Ш175.41-31+Ш100.621

ГРНТИ 16.21.27; 16.21.33; 11.25.40

Код ВАК 5.9.8

Ирина Борисовна Строганова

Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, korean.volcano@gmail.com

Языковые средства репрезентации революционной преемственности в политико-идеологическом дискурсе КНДР

АННОТАЦИЯ. В статье рассматриваются языковые средства репрезентации революционной преемственности в политико-идеологическом дискурсе КНДР. Материалом исследования послужили программные тексты Ким Чен Ына, публикации газеты «Родон синмун» — центрального печатного органа Трудовой партии Кореи — и сообщения Центрального телеграфного агентства Кореи (ЦТАК), официального информационного агентства КНДР, за 2012–2026 гг. Анализируемые тексты связаны с Пэктусанским символическим комплексом — системой идеологических образов и номинаций, через которые гора Пэктусан представляется как исток революции и символ преемственности власти. Цель работы состоит в выявлении лексико-семантических, оценочных и прагматических средств, посредством которых в официальном северокорейском дискурсе конструируется представление о непрерывности революционной линии. Методологическую основу составляют критический дискурс-анализ, лексико-семантический и контекстуальный анализ. В официальном северокорейском дискурсе революционная преемственность получает языковое выражение через сакрализованную топонимику, генеалогическую и мобилизационную лексику, идеологемы революционного духа, а также номинации ритуально-перформативных практик. Также делается вывод о том, что Пэктусанский символический комплекс выступает механизмом легитимации власти, воспроизводства коллективной памяти и формирования корпоративной идентичности северокорейского общества.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: политическая лингвистика, политический дискурс, политические тексты, политическая идеология, политические деятели, критический дискурс-анализ, революционная преемственность, Пэктусан, революционная традиция, идеологемы, легитимация власти, корпоративная идентичность, средства репрезентации, языковая репрезентация, лексическая семантика, корейский язык.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ: Строганова Ирина Борисовна, преподаватель 40 кафедры (дальневосточных языков), Военный университет имени князя Александра Невского Министерства обороны Российской Федерации, Москва, Россия, email: korean.volcano@gmail.com.

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Строганова, И. Б. Языковые средства репрезентации революционной преемственности в политико-идеологическом дискурсе КНДР / И. Б. Строганова. — Текст : непосредственный // Политическая лингвистика. — 2026. — № 4 (118). — С. 131-141.

Irina B. Stroganova

Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia, korean.volcano@gmail.com

Linguistic Means of Representation of Revolutionary Succession in the Politico-Ideological Discourse of the DPRK

ABSTRACT. The article examines the linguistic means of representation of revolutionary succession in the politico-ideological discourse of the DPRK. The sources of the practical research material include program texts by Kim Jong Un, publications in Rodong Sinmun, the central newspaper of the Workers' Party of Korea, and reports of the Korean Central News Agency (KCNA), the official news agency of the DPRK, published over the period from 2012 to 2026. The texts under analysis are related to the Paektusan symbolic complex, understood as a system of ideological images and nominations through which Mt Paektu is represented as the origin of the revolution and a symbol of political succession. The aim of the article is to identify the lexico-semantic, evaluative and pragmatic means through which the official North Korean discourse constructs the idea of an uninterrupted revolutionary line. The main research methods include critical discourse analysis, lexico-semantic analysis and contextual analysis. In the official North Korean discourse, revolutionary succession is linguistically represented through sacralized toponymy, genealogical and mobilizing vocabulary, ideologemes of revolutionary spirit, and nominations of ritual-performative practices. The article also concludes that the Paektusan symbolic complex functions as a mechanism of political legitimization of power, reproduction of the collective memory, and formation of the corporate identity of North Korean society.

KEYWORDS: political linguistics, political discourse, political texts, political ideology, politicians, critical discourse analysis, revolutionary succession, Paektusan, revolutionary tradition, ideologemes, legitimization of power, corporative identity, representation means, linguistic representation, lexical semantics, Korean language.

AUTHOR'S INFORMATION: Stroganova Irina Borisovna, Senior Lecturer of Department 40, (Far Eastern Languages), Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation named after Prince Alexander Nevsky, Moscow, Russia.

FOR CITATION: Stroganova I. B. (2026). Linguistic Means of Representation of Revolutionary Succession in the Politico-Ideological Discourse of the DPRK. In *Political Linguistics*. No 4 (118), pp. 131-141. (In Russ.).

ВВЕДЕНИЕ

В политико-идеологическом дискурсе КНДР категория революционной преемственности занимает одно из центральных мест. Ее значение обусловлено историко-политическим контекстом становления северокорейской государственности и особой ролью антияпонской борьбы 1930-х — первой половины 1940-х гг. в официальной идеологии страны. Географическим и символическим центром этой системы представлений выступает гора Пэктусан, которая в северокорейском нарративе связывается с началом революции, партизанской борьбой, победой и исторической правомочностью действующей власти [Ким, Соловьев 2023: 49–56; Асмолов, Захарова 2022: 58–68]. В последующие десятилетия, по мере институционализации культа революционной традиции и преемственности трех поколений руководителей — Ким Ир Сена (1948–1994), Ким Чен Ира (1994–2011) и Ким Чен Ына (с 2011 г. по настоящее время), — образ Пэктусана стал одним из устойчивых элементов официального политического дискурса КНДР [Курбанов 2018; Асмолов, Захарова 2022: 58–68].

В настоящей статье используется понятие «Пэктусанский символический комплекс». Под ним понимается система идеологических образов, номинаций и устойчивых речевых формул, организованных вокруг Пэктусана как сакрализованного пространства происхождения революции, символа победы и знака преемственности власти. В его состав входят такие языковые единицы, как «гора Пэктусан» (백두산, «пэктусан»), «пэктусанская кровная линия» (백두혈통, «пэкту-хельтхонь»), «революционный дух Пэкту» (백두의 혁명정신, «пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин»), «дух пэктусанского ледяного ветра» (백두의 칼바람정신, «пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин»), «революционная традиция» (혁명전통, «хёнъмён-чёнъсин»), «воспитание в духе революционной традиции» (혁명전통교양, «хёнъмён-чёнъсин-кёянъ»), «из поколения в поколение» (대를 이어, «тэрыль иё»), «преемственное завершение / доведение до конца» (계승완성, «кёсынъ-вансёнъ»). Данные языковые единицы функционируют не изолированно, а как элементы единой дискурсивной системы.

Актуальность исследования определяется тем, что официальный дискурс КНДР остается одним из наиболее устойчивых примеров идеологически организованной

политической коммуникации, где языковые формулы обладают высокой повторяемостью, нормативностью и мобилизационной силой. После прихода Ким Чен Ына к власти традиционные северокорейские идеологемы переоформляются и используются для подтверждения легитимности третьего поколения руководства, поддержания лояльности и включения различных социальных групп в общую систему политической идентичности [Лим 2015: 1–2; Асмолов, Захарова 2022: 46–68; Пак Сонёль, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33]. При этом Пэктусанский комплекс чаще рассматривается в историческом, политологическом и культурно-антропологическом аспектах, тогда как собственно языковые механизмы репрезентации революционной преемственности требуют отдельного лингвистического осмысления и описания.

Объектом исследования является политико-идеологический дискурс КНДР. Предмет исследования — языковые средства репрезентации революционной преемственности в официальных северокорейских текстах, связанных с Пэктусанским символическим комплексом. Цель исследования состоит в выявлении и систематизации лексико-семантических, оценочных и прагматических средств, с помощью которых в дискурсе КНДР конструируется представление о непрерывности революционной линии. Для достижения цели решаются задачи: охарактеризовать научный контекст изучения проблемы; определить материал и методику исследования; выявить основные группы языковых средств; описать их функции в легитимации власти, воспроизводстве коллективной памяти, мобилизации и формировании корпоративной идентичности.

Научная новизна статьи состоит в смещении исследовательского фокуса с политико-исторического описания Пэктусанского комплекса на анализ его языковой организации. В предшествующих исследованиях Пэктусанский комплекс рассматривался главным образом как политико-символическое и ритуально-идеологическое явление. Исследователи анализировали его связь с культом руководителя, коллективной памятью, легитимацией пэктусанской кровной линии (백두혈통, «пэкту-хельтхонь») и практиками походов-экскурсий к революционным местам (답사행군, «тапса-хэньгун») [Чо Ынхи 2007: 100–104; Лим 2015: 1–2; Пак Сонёль, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33, 40]. В настоящей статье эти явления рассматриваются

как система языковых средств, посредством которых в официальном дискурсе КНДР конструируется революционная преемственность. В качестве самостоятельных языковых механизмов выделяются сакрализованная топонимика, генеалогическая лексика, идеологемы революционного духа, мобилизационная лексика и номинации ритуально-перформативных практик.

1. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ИЗУЧЕНИЯ ПРОБЛЕМЫ

Проблематика революционной преемственности в КНДР находится на пересечении исследований политического мифа, коллективной памяти, культа лидера, символической политики, идеологического воспитания, ритуальных практик и механизмов легитимации власти. Северокорейские официальные тексты в настоящей статье рассматриваются не как научная литература, а как материал дискурсивного анализа: их задача состоит не в аналитическом описании идеологии, а в ее воспроизводстве.

В российской научной литературе по КНДР для данного исследования важен историко-политический аспект. Работы С. О. Курбанова позволяют рассматривать антияпонскую борьбу, становление КНДР и культ Ким Ир Сена как основу северокорейского государственного нарратива [Курбанов 2018]. Исследование К. В. Асмолова и Л. В. Захаровой дает представление о первом десятилетии эпохи Ким Чен Ына, включая укрепление власти, переоформление идеологической рамки и актуализацию символов преемственности [Асмолов, Захарова 2022: 46–68]. Работы Н. Н. Ким и А. В. Соловьева позволяют рассматривать память об антияпонской борьбе как элемент политического мифа и антиколониального нарратива [Ким, Соловьев 2023: 49–56].

Наиболее развернутая исследовательская традиция по теме Пэктусана и революционной традиции представлена в южнокорейской литературе. Ли Уён показывает, что символы и революционные лозунги в КНДР выступают средствами коммуникации и социальной интеграции [Ли Уён 2002: 1–4]. Чо Ынхи рассматривает походы к революционным памятным местам как ритуальное производство революционной традиции, то есть как практику, в которой идеология становится видимой и переживаемой коллективно [Чо Ынхи 2007: 100–104, 127–140]. Пак Кери анализирует Пэктусан как «созданную традицию» и объект символической репрезентации, что важно для понимания сакрализации пространства [Пак Кери 2011: 43–45, 69–70].

Отдельную группу образуют южнокорейские исследования, посвященные правлению Ким Чен Ына и проблеме наследования власти. Ким Капсик указывает, что легитимация преемственности была одной из ключевых задач раннего периода нового режима [Ким Капсик 2012: 1–3]. О Кёнсоп и соавторы рассматривают построение системы власти Ким Чен Ына и механизмы стабилизации режима [О Кёнсоп и др. 2021: 15–16]. Пак Сонёль, Чон Вонхи и Хан Чиман анализируют Самчжиён как пространство символической политики. Самчжиён — город у подножия Пэктусана, который в северокорейском дискурсе связывается с антияпонской революционной традицией, революционными памятными местами и памятью о семье руководителей КНДР. Через этот образ, по мнению исследователей, актуализируется идея легитимности «пэктусанской кровной линии» (백두혈통, «пэкту-хёльтхонь») [Пак Сонёль, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33, 40]. Чон Юсок и Квак Ынгён показывают, что Пэктусан в практиках выездного руководства Ким Чен Ына функционирует как сакрализованное пространство власти и средство стимулирования лояльности [Чон Юсок, Квак Ынгён 2015: 156–159, 201].

Значимы также исследования идеологического воспитания и молодежной политики. Ким Чонсу рассматривает молодежь как «преемников революционного дела» и мобилизационный авангард [Ким Чонсу 2013: 51–53, 73]. Ом Хёнсук анализирует стратегии воспитания в духе культа руководителя и формирования верности лидеру [Ом Хёнсук 2018: 126–128]. Ким Сокхян и Пак Минчжу показывают, как фигура Ким Чонсук включается в систему семейной сакрализации власти и символической преемственности [Ким Сокхян, Пак Минчжу 2019: 131–134].

Англоязычные исследования дополняют эту рамку анализом культа лидера, коллективной памяти и символической организации власти. Дж. Ч. Лим анализирует систему символов руководителя и механизмы ритуального закрепления власти [Лим 2015: 1–2]. К. Квон и П. Х. Ким рассматривают Пэктусан как национальный и трансграничный символ [Квон, Ким 2019: 1–6], а Дж. Ли показывает, что коллективная память в северокорейских новогодних обращениях служит механизмом повседневной легитимации режима [Ли 2024: 270–275]. В совокупности эти работы формируют политико-символический контекст, однако специальное лингвистическое описание языковых средств революционной преемственности остается недостаточно разработанным.

2. МАТЕРИАЛ И МЕТОДИКА ИССЛЕДОВАНИЯ

Материалом исследования послужили официальные северокорейские тексты за 2012–2026 гг., в которых актуализируются темы Пэктусана, революционной традиции, преемственности поколений, идеологического воспитания и коллективной лояльности. Нижняя хронологическая граница связана с началом эпохи Ким Чен Ына и задачей легитимации третьего поколения власти; верхняя граница позволяет показать, что Пэктусанский символический комплекс сохраняет актуальность в современном политико-идеологическом дискурсе.

В рабочий корпус вошло 17 официальных северокорейских текстов. В жанровом отношении корпус включает: 1) программные выступления, письма и доклады Ким Чен Ына; 2) газетные передовицы и информационно-идеологические публикации «Родон синмун»; 3) сообщения Центрального телеграфного агентства Кореи; 4) тексты о коллективных походах к революционным памятным местам. Из корпуса были отобраны повторяющиеся языковые единицы и формулы, связанные с Пэктусаном, революционной традицией, кровной линией, революционным духом, коллективной решимостью и ритуальными практиками.

Отбор единиц проводился по трем основным критериям. Во-первых, учитывалась тематическая связь с Пэктусанским символическим комплексом. Во-вторых, фиксировалась семантика преемственности. В-третьих, учитывалась прагматическая функция единицы: легитимация власти, сакрализация прошлого, мобилизация адресата, ритуальное подтверждение лояльности или формирование корпоративной идентичности. Дополнительно фиксировалась количественная представленность выделенных групп: количество отобранных единиц в каждой

группе и суммарная частотность их употребления в корейскоязычной части корпуса. Англоязычные переводы программных выступлений Ким Чен Ына использовались как вспомогательный материал для содержательной верификации дискурсивных мотивов, но не включались в частотный подсчет корейских языковых единиц. На основе этих критериев были выделены основные группы языковых средств, представленные в Таблице 1.

Методологическую основу исследования составляют критический дискурс-анализ, лексико-семантический анализ и контекстуальный анализ. В рамках критического дискурс-анализа официальные тексты КНДР рассматриваются как форма символической власти, в которой язык участвует в воспроизводстве идеологического порядка, нормализации политической лояльности и легитимации руководства [Фэрклоу 1995: 54–56; ван Дейк 1998: 8–10]. Лексико-семантический анализ применяется для выявления повторяющихся номинаций, оценочных эпитетов, метафорических моделей и устойчивых словосочетаний. Контекстуальный анализ позволяет установить, в каких жанрах, коммуникативных ситуациях и ритуальных практиках актуализируются языковые средства революционной преемственности.

Процедура анализа включала четыре этапа. На первом этапе были выделены фрагменты, содержащие ключевые номинации Пэктусанского комплекса. На втором этапе единицы распределялись по семантическим полям: пространство, кровь / линия, дух, борьба / воля, ритуальное действие. На третьем этапе определялась их сочетаемость с оценочной, мобилизационной и ритуальной лексикой. На четвертом этапе устанавливалась дискурсивная функция каждой группы: легитимирующая, сакрализующая, мобилизационная, воспитательная, интегративная или ритуально-перформативная.

Таблица 1

Основные группы языковых средств репрезентации революционной преемственности

Группа средств	Количественные показатели	Ключевые единицы: оригинал, транскрипция, перевод	Семантический центр	Дискурсивная функция
Сакрализованная топонимика	n = 9; f = 91	백두산 («пэктусан», «гора Пэктусан»); 백두산지구 혁명전적지 («пэктусан-чигу хёнъмёнъ-чёнчжончи», «революционные памятные места района Пэктусана»); 혁명의 성산 («хёнъмёнъ-ыи сёнъсан», «священная гора революции»); 혁명의 성지 («хёнъмёнъ-ыи сёнъчжи», «святыня революции»); 조선혁명의 발원지 («чосён-хёнъмёнъ-ыи парвончжи», «исток корейской революции»)	пространство истока революции	легитимация власти через связь с сакрализованным прошлым

Окончание таблицы 1

Группа средств	Количественные показатели	Ключевые единицы: оригинал, транскрипция, перевод	Семантический центр	Дискурсивная функция
Генеалогическая лексика	n = 11; f = 36	백두의 혈통 («пэкту-ый хёльтхонъ», «кровная линия Пэкту»); 만경대의 혈통 («мангёнъдэ-ый хёльтхонъ», «кровная линия Мангёнъдэ»); 혁명의 피줄기 («хёньмён-ый пичжуги», «кровная линия революции»); 주체혁명위업 («чучхе-хёньмёнъ-виоп», «дело чучхейской революции»); 계승자 («кесынъча», «преемник»)	линия, кровь, наследование	представление власти и общества как продолжателей революционной линии
Идеологемы революционного духа	n = 11; f = 79	백두의 혁명정신 («пэкту-ый хёньмёнъ-чёнъсин», «революционный дух Пэкту»); 백두산정신 («пэктусан-чёнъсин», «пэктусанский дух»); 백두의 칼바람정신 («пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин», «дух пэктусанского ледяного ветра»); 백두의 혁명전통 («пэкту-ый хёньмёнъ-чёнъхонъ», «революционная традиция Пэкту»); 자력갱생 («чарёк-кэнсэнь», «опора на собственные силы»)	стойкость, верность, закалка	нормирование политического сознания и поведения
Мобилизационная лексика	n = 12; f = 158	계승 («кесынъ», «преемствование»); 이어나가다 / 이어가다 («иё-нагада / иё-када», «продолжать»); 끝까지 («ккыт-ккачжи», «до конца»); 관철 («кванчхоль», «претворение в жизнь»); 무장 («мучжанъ», «вооружение»); 받들다 («паттыльда», «почтительно следовать, поддерживать»)	воля, борьба, обязательство	перевод памяти о революции в современное действие
Ритуально-перформативные номинации	n = 16; f = 126	백두산지구 혁명전적지답사행군 («пэктусан-чигу хёньмёнъ-чёнъчочки тапса-хэньгун», «поход к революционным памятным местам района Пэктусана»); 답사행군 («тапса-хэньгун», «учебно-идеологический поход»); 답사 («тапса», «посещение с учебно-идеологической целью»); 동상제막식 («тонъсанъ-чемаксик», «церемония открытия памятника»); 결의 («кёри», «решимость»); 구호 («кухо», «лозунг»)	коллективное действие	воспроизводство преемственности через ритуал и организационную принадлежность

Примечание к Таблице 1:

n — количество отобранных единиц в группе;

f — суммарная частотность употребления данных единиц в корейскоязычной части корпуса

3. ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ЯДРО ПЭКТУСАНСКОГО СИМВОЛИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

Первую группу языковых средств составляет сакрализованная топонимика. В официальном северокорейском дискурсе географические названия, связанные с Пэктусаном и прилегающим к нему революционным пространством, не ограничиваются функцией пространственной локализации. Топоним Пэктусан (백두산, «пэктусан») выступает центральным элементом символическо-идеологической системы, в которой пространство преобразуется в знак политической памяти и исторической легитимности [Пак Кери 2011: 43–45; Квон, Ким 2019: 1–6].

Сакрализация Пэктусана реализуется через устойчивые номинации: «священная гора революции» (혁명의 성산, «хёнъмёнъ-ый сёнъсан»), «святыня революции» (혁명의 성지, «хёнъмёнъ-ый сёнъчжи»), «исток корейской революции» (조선혁명의 발원지, «чосён-хёнъмёнъ-ый парвёнчжи»), «символ победы» (승리의 상징, «сынни-ый санъчжинъ»), «духовная опора» (마음의 기둥, «маым-ый кидунъ»). Эти формулы переводят географический объект из плана физического пространства в план политической сакральности. В публикации о молодежном походе к революционным памятным местам района Пэктусана гора одновременно определяется как «священная гора революции», «исток корейской революции», «символ победы» и «духовная опора народа» [Родон синмун 2026: 4]. Такое накопление номинаций показывает, что Пэктусан указывает на начало революции, закрепляет ее победоносный характер и задает эмоционально-ценностную вертикаль принадлежности к революционной традиции.

Особое значение имеют устойчивые выражения, связывающие Пэктусан с началом революционного движения и происхождением революционной традиции. В передовице «Родон синмун» от 25 апреля 2025 г. «Передадим из поколения в поколение победоносную историю нашей революции, начавшуюся в Пэкту» (백두에서 시작된 우리 혁명의 백승의 역사를 만대에 이어나가자, «пэкту-эсё сичжак-твен ури хёнъмёнъ-ый пэксынъ-ый рёкса-рыль мандэ-э иднагачжа») используется конструкция «начавшаяся в Пэкту» (백두에서 시작된, «пэкту-эсё сичжак-твен») [Родон синмун 2025б: 1]. Она задает модель происхождения: революция мыслится как процесс, имеющий единый сакрализованный исток, а вся последующая история КНДР интерпретируется

как продолжение начатого там движения. Сходную функцию выполняет формула «дело чучхейской революции, проложенное в Пэкту» (백두에서 개척된 주체혁명 위업, «пэкту-эсё кэчхёк-твен чучхе-хёнъмёнъ-виоп»), употребляемая в сообщениях о коллективных практиках посещения Пэктусанского района революционных памятных мест [Родон синмун 2025в: 3].

Вторая группа средств связана с генеалогической лексикой. Центральной единицей здесь является «пэктусанская кровная линия» (백두혈통, «пэкту-хельтхонъ»), где топонимический компонент «Пэкту / Пэктусан» (백두, «пэкту») соединяется с компонентом «кровная линия, происхождение, род» (혈통, «хельтхонъ»). В результате легитимность правящей линии выводится не только из принадлежности к правящей семье Кимов, но и из связи этой семьи с сакрализованным пространством Пэктусана. В данном случае политическая идея преемственности получает лексико-семантическое выражение через связку «Пэктусан — кровь — род — наследование» [Пак Сонель, Чон Вонхи, Хан Чиман 2022: 31–33, 40].

Генеалогическая модель раскрывается через единицы «кровная линия Пэкту» (백두의 혈통, «пэкту-ый хельтхонъ»), «кровная линия Мангёндэ» (만경대의 혈통, «мангёньдэ-ый хельтхонъ»), «кровная жила, кровная линия» (피줄기, «пичжильги»), «жизненная нить, преемственная линия» (명맥, «мёнъмэк»), «преемствование» (계승, «кесынъ»), «преемник» (계승자, «кесынъчжа»), «преемственное завершение / доведение до конца» (계승완성, «кесынъ-вансёнъ»). Особенно показательны тексты, связанные с Мангёндэской революционной школой. Мангёндэ в официальной северокорейской символике связано с местом рождения Ким Ир Сена и выступает одним из ключевых пространств памяти о происхождении северокорейской революционной линии. Мангёндэская революционная школа представлена в дискурсе КНДР как элитное учебно-воспитательное учреждение, предназначенное для подготовки детей революционеров и будущих политико-идеологических кадров. Поэтому учащиеся школы обозначаются как «дети революционеров» (혁명이 유자녀, «хёнъмёнга-ючжанё») и будущий «ключевой кость» революции (핵심골간, «хэксим-кольган»). Формула «кровная линия Мангёндэ, кровная линия Пэкту» (만경대의 혈통, 백두의 혈통, «мангёньдэ-ый хельтхонъ», «пэкту-ый хельтхонъ») соединяет Мангёндэ как пространство, связанное с

происхождением Ким Ир Сена, и Пэктусан как пространство революционной легитимности [Ким Ченын 2012: 1–4; ЦТАК 2012].

При этом революционная преемственность не сводится только к биологическому родству. Формула «из поколения в поколение» (대를 이어, «тэрыль иё») переводит идею наследования из семейно-династического плана в общекolleктивный. В публикациях о Пэктусанских походах она связывается с задачей «до конца продолжить и завершить» (끝까지 계승완성하다, «кытккачи кесынь-вансён-хада»), что придает преемственности телеологическое значение: революционное дело должно быть не просто унаследовано, а доведено до окончательной победы [Родон синмун 2025б: 1; Родон синмун 2025в: 3; Родон синмун 2026: 4].

Третья группа средств — идеологемы революционного духа. Ключевыми единицами являются «революционный дух Пэкту» (백두의 혁명정신, «пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин»), «пэктусанский дух» (백두산정신, «пэктусан-чёнъсин»), «дух пэктусанского ледяного ветра» (백두의 칼바람정신, «пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин»), «дух антияпонской революции» (항일혁명정신, «ханъиль-хёнъмён-чёнъсин»), «несгибаемый революционный дух» (백철불굴의 혁명정신, «пэкчоль-пульгуль-ый хёнъмён-чёнъсин»). Все они организованы вокруг компонента «дух, сознание, морально-волевая установка» (정신, «чёнъсин»), который в данном дискурсе обозначает нормативную характеристику субъекта.

Наиболее выразительной является формула «духа пэктусанского ледяного ветра» (백두의 칼바람정신, «пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин»). Входящая в ее состав лексема «ледяной, режущий ветер» (칼바람, «кхаль-парам») вводит природно-экстремальный образ и отсылает к суровым условиям периода антияпонской партизанской борьбы. В программном тексте Ким Чен Ына «Будем жить и бороться революционным духом Пэкту, духом пэктусанского ледяного ветра» от 27 октября 2014 г. эта идеологема связывается с верностью, непримиримостью к врагу, готовностью к лишениям, мобилизационной энергией и ориентацией на победу [Ким Ченын 2014б: 1–4]. Идеологемы революционного духа часто сочетаются с лексикой оружия и внутренней закалки: «идейно-духовное оружие» (사상정신적 무기, «сасанъ-чёнъсинчжок муги»), «духовное достояние» (정신적 재부, «чёнъсинчжок чэбу»), «знамя борьбы» (투쟁의 기치, «тхучжэнь-ый кичхи») [Ким Ченын 2014б: 2–4].

Таким образом, лексико-семантическое ядро Пэктусанского комплекса строится на трех взаимосвязанных уровнях: сакрализованном пространстве, генеалогической линии и революционном духе. Топонимика отвечает на вопрос, где начинается революция; генеалогическая лексика — кто является ее легитимным продолжателем; идеологемы революционного духа — какие качества и модели поведения должны наследоваться. Вместе они формируют представление о революционной преемственности как о единстве пространства, крови, памяти, идеологии и политического действия.

4. МОБИЛИЗАЦИОННО-РИТУАЛЬНОЕ ВОСПРОИЗВОДСТВО ПРЕЕМСТВЕННОСТИ

Пэктусанский символический комплекс функционирует не только как система номинаций, но и как механизм мобилизации. Мобилизационная лексика переводит память о революционном прошлом в плоскость современного политического действия. Ключевыми единицами этой группы являются «борьба» (투쟁, «тхучжэнь»), «решимость» (결의, «кёри»), «клятва» (맹세, «мэньсе»), «воля» (의지, «ыйчжи»), «верность» (충성, «чхунъсён»), «претворение в жизнь» (관철, «кванчхоль»), «почтительно следовать, поддерживать» (받들다, «паттыльда»), «преемственное завершение / доведение до конца» (계승완성, «кесынь-вансён»). Эти слова формируют лексическое поле, в котором субъект преемственности описывается как активный носитель воли, верности и готовности к действию.

Показательна формула «жить и бороться» (살며 투쟁하다, «сальмё тхучжэнь-хада»), связанная с идеологемой «революционный дух Пэкту» (백두의 혁명정신, «пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин»). В сочетании с выражением: «жить и бороться революционным духом Пэкту, духом пэктусанского ледяного ветра» (백두의 혁명정신, 백두의 칼바람정신으로 살며 투쟁하다, «пэкту-ый хёнъмён-чёнъсин, пэкту-ый кхаль-парам-чёнъсин-ыро сальмё тхучжэнь-хада») революционный дух предстает не как отвлеченная ценность, а как принцип повседневного существования и политического поведения [Ким Ченын 2014б: 1–4]. Лексемы «решимость» (결의, «кёри»), «воля» (의지, «ыйчжи») и «клятва» (맹세, «мэньсе») формируют слой коллективного самообязательства: участники массовых мероприятий не просто присутствуют при идеологическом событии, а выражают волю, подтверждают решимость и демонстрируют готовность продолжать ре-

волюционное дело [Родон синмун 2024д: 6; Родон синмун 2026: 4].

Особое место занимает глагол «почти-тельно следовать, поддерживать» (받들다, «паттыльда»), обозначающий следование высшей политической воле, идеям руководителя, заветам предшественников и линии партии. Сочетания типа «следовать заветам» (유훈을 받들다, «юхун-ыль паттыльда»), «поддерживать идеи и руководство» (사상과 령도를 받들다, «сасанъ-гва рёнъдо-рыль паттыльда»), «следовать замыслу партии» (당의 구상을 받들다, «танъ-ый кусанъ-ыль паттыльда») формируют вертикальную модель лояльности. Субъект преемственности действует не автономно, а как носитель и исполнитель высшей революционной линии.

Мобилизационная лексика тесно связана с номинациями пути и движения: «поход, марш» (행군, «хэньгун»), «путь похода» (행군길, «хэньгун-киль»), «продолжать» (이어가다 / 이어나가다, «иё-када / иё-нагада»). В текстах о Пэктусанских походах эти единицы имеют двойное значение: обозначают реальное коллективное движение к революционным памятным местам и одновременно символизируют продолжение революционного пути [Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2026: 4]. Поэтому выражения «до конца продолжать пэктусанский походный путь» (백두의 행군길을 끝까지 이어가다, «пэкту-ый хэньгун-кирыль ккыт-ккачжи иё-када») и «продолжать походный путь» (행군길을 이어가다, «хэньгун-кирыль иё-када») могут быть прочитаны и как описание маршрута, и как метафора исторической преемственности.

Ритуально-перформативный слой дискурса показывает, что революционная преемственность не только называется, но и воспроизводится в коллективных действиях. Ключевой единицей здесь является «поход-экскурсия, учебно-идеологический поход» (답사행군, «тапса-хэньгун»), а в контексте Пэктусана — формула «поход к революционным памятным местам района Пэктусана» (백두산지구 혁명전적지답사행군, «пэктусан-чигу хёнъмёнъ-чёнчёкчи тапса-хэньгун»). Она объединяет сакрализованное пространство, революционную память, коллективное движение и идеологическое обучение [Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2025в: 3; Родон синмун 2026: 4]. Чо Ынхи рассматривает подобные походы как практику, через которую революционная традиция становится переживаемой в коллективе [Чо Ынхи 2007: 100–104, 127–140].

Важны и номинации самих памятных мест: «революционное памятное место»

(혁명전적지, «хёнъмёнъ-чёнчёкчи»), «революционное историческое место» (혁명사적지, «хёнъмёнъ-сачжёкчи»), «Пэктусанский тайный лагерь» (백두산밀영, «пэктусан-мирёнъ»), «родной дом в Пэктусанском тайном лагере» (백두산밀영고향집, «пэктусан-мирёнъ-коханъ-чип»). В официальном дискурсе эти места представлены не как музейные объекты, а как пространства эмоционального и политического приобщения к революционной традиции [Родон синмун 2024в: 2; Ким Ченын 2014б: 4–6]. Ритуальный характер таких практик проявляется в сочетаемости номинаций места с глаголами «посещать с учебно-идеологической целью» (답사하다, «тапса-хада»), «подниматься» (오르다, «орыда»), «осматривать» (돌아보다, «тора-пода»), «укреплять решимость» (결의를 다지다, «кёри-рыль тачжида»), «клясться» (맹세하다, «мэньсе-хада») [Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2026: 4].

Наряду с походами важна ритуальная сигнификация массовых мероприятий: «собрание» (모임, «моим»), «собрание по случаю отправления» (출발모임, «чхульбаль-моим»), «ораторское собрание» (웅변모임, «унъбён-моим»), «собрание решимости» (결의모임, «кёри-моим»), «хоровое пение» (합창, «хапчханъ»), «лозунг» (구호, «кухо»), «церемония открытия памятника» (동상제막식, «тонъсанъ-чемаксик»). Ораторское выступление, коллективное пение, клятва, возложение цветов и церемониальное присутствие перед монументом выступают как формы публичного воспроизведения идеологически правильного смысла [Родон синмун 2024д: 6; ЦТАК 2012].

Субъект преемственности в таких текстах, как правило, представлен коллективно. К числу наиболее значимых номинаций относятся «молодежный авангард» (청년전위, «чхонъ-нён-чонви»), «молодежь и учащиеся» (청년학생들, «чхонънён-хаксэнъдыль»), «дети революционеров» (혁명가유자녀, «хёнъмёнга-южжанё»), «Народная армия» (인민군대, «инмин-кундэ»), «члены партии» (당원들, «танъвён-дыль»), «трудящиеся» (근로자들, «кылпочжа-дыль»), «члены профсоюза» (직맹원들, «чинъ-мэньвёндыль»), «члены женского союза» (녀맹원들, «нёмэньвёндыль»). Эти номинации показывают, что революционная преемственность в политико-идеологическом дискурсе КНДР не сводится только к правящей линии, а распределяется между различными социальными и институциональными группами [Ким Ченын 2012: 1–4; Ким Чонсу 2013: 51–53, 73; Родон синмун 2024в: 2; Родон синмун 2025в: 3; Родон синмун 2026: 4].

Такой способ репрезентации позволяет говорить о корпоративной идентичности северо-корейского общества. Под ней понимается включенность индивида в устойчивый политико-идеологический коллектив, организованный вокруг общей истории, символики, ритуалов, дисциплины и модели лояльности. В официальном дискурсе человек мыслится прежде всего как представитель коллектива — молодёжного, военного, партийного, трудового, женского или образовательного. Именно через эти коллективы он становится участником революционной преемственности [Ли Уён 2002: 1–4; Чон Вонхи 2023: 151–154].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что революционная преемственность в политико-идеологическом дискурсе КНДР формируется не отдельными идеологическими лозунгами, а системой взаимосвязанных языковых средств. Пэктусанский символический комплекс выступает в этой системе центральным механизмом смысловой организации: через него революционное прошлое связывается с действующей властью, коллективной памятью и моделями политического поведения.

Ключевым результатом исследования является выделение нескольких функциональных уровней репрезентации революционной преемственности. Пространственный уровень закрепляет Пэктусан как место революционного истока; генеалогический уровень переводит идею преемственности в модель линии и наследования; идеологический уровень задает нормативный образ субъекта, обладающего верностью, стойкостью и готовностью к борьбе; мобилизационно-ритуальный уровень превращает память о прошлом в коллективное действие.

Важным является то, что революционная преемственность в анализируемых текстах представлена не только как связь между поколениями руководителей, но и как обязанность всего политико-идеологического коллектива. Молодежь, армия, партийные и общественные организации, трудовые коллективы и учащиеся революционных школ включаются в единую модель продолжения революционной линии. Тем самым династическая логика наследования расширяется до модели коллективной идентичности.

Таким образом, Пэктусанский символический комплекс в официальном дискурсе КНДР выполняет одновременно легитимирующую, мобилизационную и интегративную функции. Он не только закрепляет представление о правомерности власти, но и воспроизводит коллективную память, задает

нормы политической лояльности и формирует образ общества как единого субъекта, обязанного продолжать революционную традицию.

ИСТОЧНИКИ

1. Ким Ченын 2012 = 김정은. 혁명가유 자녀들은 만경대의 혈통, 백두의 혈통을 굳건히 이어나가는 선군혁명의 믿음직한 골간이 되어야 한다 = Дети революционеров должны стать надежным костяком сонгунской революции, твердо продолжающим кровную линию Мангёндо и кровную линию Пэкту. 2012.
2. Ким Ченын 2014а = 김정은. 혁명적인 사상공세로 최후승리를 앞당겨나가자 = Ускорим окончательную победу революционным идеологическим наступлением. 2014.
3. Ким Ченын 2014б = 김정은. 백두의 혁명정신, 백두의 칼바람정신으로 살며 투쟁하자 = Будем жить и бороться революционным духом Пэкту, духом пэктусанского ледяного ветра. 2014.
4. Ким Ченын 2015а = 김정은. 주체104(2015)년 새해에 즈음하여 하신 신년사 = Новогоднее обращение по случаю 104-го года чучхе (2015). 2015.
5. Ким Ченын 2015б = 김정은. 백두산영웅청년발전소는 자랑스러운 청춘대기념비, 청년강국의 상징이다 = Пэктусанская героическая молодежная электростанция — гордый великий памятник молодежи, символ молодежной державы. 2015.
6. Ким Ченын 2016 = 김정은. 조선로동당 제7차대회에서 한 당중앙위원회 사업총화보고 = Отчетный доклад Центрального Комитета партии на VII съезде Трудовой партии Кореи. 2016.
7. Ким Ченын 2021 = 김정은. 조선로동당 제8차대회에서 하신 보고에 대하여 = О докладе, сделанном на VIII съезде Трудовой партии Кореи. 2021.
8. Родон синмун 2024а = 경애하는 김정은동지의 불후의 고전적로작 《혁명적인 사상공세로 최후승리를 앞당겨나가자》 발표 10돛기념 사회과학부문 연구토론회 진행 = Проведена научная конференция в области общественных наук, посвященная 10-летию опубликования классического труда уважаемого товарища Ким Ченына «Ускорим окончательную победу революционным идеологическим наступлением» // 노동신문. 2024. 2월 28일. 1면.
9. Родон синмун 2024б = 유서깊은 혁명의 성지에 굽이치는 그리움의 대하 = Поток тоски и почтения, текущий в исторической святыне революции // 노동신문. 2024. 4월 7일. 1면.
10. Родон синмун 2024в = 전국녀맹초급선전일군들 백두산지구 혁명전적지를 답사 = Всекорейские низовые пропагандисты женского союза посетили революционные памятные места района Пэктусана // 노동신문. 2024. 6월 14일. 2면.
11. Родон синмун 2024г = 조국해방위업을 성취한 항일선열들의 숭고한 정신은 주체혁명의 승리적전진과 더불어 영원불멸할것이다 = Возвышенный дух антияпонских предшественников, совершивших дело освобождения Родины, будет бессмертен вместе с победоносным продвижением чучхейской революции // 노동신문. 2024. 8월 15일.
12. Родон синмун 2024д = 조국해방 79돛에 즈음하여 《백두의 혁명정신을 계승해나가기 위한 청년학생들의 웅변모임-2024》 진행 = К 79-летию освобождения Родины состоялось ораторское собрание молодежи и учащихся «За продолжение революционного духа Пэкту — 2024» // 노동신문. 2024. 8월 16일. 6면.
13. Родон синмун 2025а = 경애하는 총비서동지의 혁명사상은 우리 국가의 전면적률성기를 펼치는 향도적기치이다 = Революционные идеи уважаемого товарища Генерального секретаря — руководящее знамя, открывающее период всестороннего процветания нашего государства // 노동신문. 2025. 4월 11일. 1면.

14. Родон синмун 2025б = 백두에서 시작된 우리 혁명의 백승의 역사를 만대에 이어나가자 = Будем из поколения в поколение продолжать победоносную историю нашей революции, начавшуюся в Пэкту // 로동신문. 2025. 4월 25일. 1면.

15. Родон синмун 2025в = 전국적맹일군들과 직맹원들의 백두산지구 혁명전적지답사행군 출발모임 진행 = Состоялось собрание по случаю отправления во всекорейский поход работников и членов профсоюза к революционным памятным местам района Пэктусана // 로동신문. 2025. 7월 30일. 3면.

16. Родон синмун 2026 = 전국청년학생들의 백두산지구 혁명전적지답사행군대가 혁명의 성산 백두산에 올랐다 = Участники всекорейского молодежного похода к революционным памятным местам района Пэктусана поднялись на священную гору революции Пэктусан // 로동신문. 2026. 2월 12일. 4면.

17. ЦТАК 2012 = 경애하는 김정은동지의 참석밑에 만경대 혁명학원에 높이 모신 위대한 대원수님들의 동상 제막식 진행 = В присутствии уважаемого товарища Ким Ченгына прошла церемония открытия статуй великих генералиссимусов в Мангэндэской революционной школе // 조선중앙통신. 2012.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Асмолов, К. В. Современная Северная Корея: первое десятилетие эпохи Ким Чен Ына (2012-2021) / К. В. Асмолов, Л. В. Захарова ; Российская академия наук, Федеральное государственное автономное учреждение науки Институт Китая и современной Азии РАН. — Москва : Институт Китая и современной Азии Российской академии наук, 2022. — 440 с. — ISBN 978-5-8381-0450-2. — DOI 10.48647/IFES.2022.83.95.009. — EDN ZRUGEF.

2. Ким, Н. Н. Антиколониальные и постколониальные нарративы в контексте политического мифа в КНДР и Республике Корея / Н. Н. Ким, А. В. Соловьев // Международная аналитика. — 2023. — Т. 14, № 2. — С. 49–72. — DOI 10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-72. — EDN SOXAYK.

3. Курбанов, С. О. История Кореи с древности до начала XXI в / С. О. Курбанов. — 3-е издание, исправленное. — Санкт-Петербург : Издательство Санкт-Петербургского государственного университета, 2018. — 744 с. — ISBN 978-5-288-05822-6. — EDN PPKPYF.

4. Dijk, T. A. van. Ideology: A Multidisciplinary Approach / T. A. van Dijk. — London : Sage, 1998. — 374 p. — ISBN 0-7619-5654-9.

5. Fairclough, N. Critical Discourse Analysis: The Critical Study of Language / N. Fairclough. — London : Longman, 1995. — 265 p. — ISBN 0-582-29184.

6. Kwon, K. Will the Dormant Volcano Erupt Again? Mt. Paektu and Contemporary Sino-Korean Relations / K. Kwon, P. H. Kim // The Asia-Pacific Journal: Japan Focus. — 2019. — Vol. 17, iss. 1, no. 4. — Article ID 5232. — DOI 10.1017/S1557466019014955.

7. Lee, J. Collective Memory and Everyday Politics in North Korea: A Qualitative Text Analysis of New Year Statements, 1946–2019 / J. Lee // Asian Studies Review. — 2024. — Vol. 48, no. 2. — P. 270–288. — DOI 10.1080/10357823.2023.2226814.

8. Lim, J.-C. Leader Symbols and Personality Cult in North Korea: The Leader State / J.-C. Lim. — London ; New York : Routledge, 2015. — 146 p. — ISBN 1138831425.

9. 김갑식. 북한 김정은 정권의 출범과 정치적 과제는 = Ким Капсик. Становление северокорейского режима Ким Ченгына и политические задачи // 통일정책연구. — 2012. — 제21권, 제1호. — С. 1–24.

10. 김석향, 박민주. 조선녀성 기사 제목에 등장하는 “김정숙” 호칭의 의미구조 분석 = Ким Сокхян. Анализ смысловой структуры именования «Ким Чонсук» в заголовках статей журнала «Чосон ёсон» // 현대북한연구. — 2019. — 제22권, 제3호. — С. 131–173. — DOI 10.17321/mks.2019.22.3.004.

11. 김중수. 북한 김정은 시대 청년동맹 연구 = Ким Чонсу. Исследование Союза молодежи Северной Кореи в эпоху Ким Ченгына // 통일정책연구. — 2013. — 제22권, 제2호. — С. 51–78.

12. 박계리. 백두산: 만들어진 전통과 표상 = Пак Кери. Пэктусан: созданная традиция и репрезентация // 미술사학보. — 2011. — 제36집. — С. 43–74.

13. 박성열, 정원희, 한지만. 북한의 상징정치: 김정은 시대 삼지연 중심으로 = Пак Сонёль. Символическая политика Северной Кореи: Самчжён в эпоху Ким Ченгына // 통일정책연구. — 2022. — 제31권, 제1호. — С. 31–77. — DOI 10.33728/ups.2022.31.1.002.

14. 엄현숙. 북한 우상화 교육의 전략 분석 = Ом Хёнсу. Анализ стратегий северокорейского воспитания в духе культа руководителя // 현대북한연구. — 2018. — 제21권, 제1호. — С. 126–173. — DOI 10.17321/mks.2018.21.1.004.

15. 오경섭, 김진하, 박형중, 한병진, 김에스라. 김정은 지배체제 구축과 권력 안정화 = О Кёнсоп. Построение системы господства Ким Ченгына и стабилизация власти. — 서울 : 통일연구원, 2021. — 231 с. — KINU 연구총서 21-11.

16. 이우영. 북한사회의 상징체계 연구: 혁명기호의 변화를 중심으로 = Ли Уён. Исследование символической системы северокорейского общества: на материале изменений революционных лозунгов. — 서울 : 통일연구원, 2002. — 연구총서 2002-05.

17. 정원희. 김정은 통치이념과 담론: 비판적 담론 분석(Critical Discourse Analysis)을 중심으로 = Чон Вонхи. Идеология и дискурс правления Ким Ченгына: на основе критического дискурс-анализа // 세계지역연구논총. — 2023. — 제41집, 제2호. — С. 151–199.

18. 정유석, 짝은경. 김정은 현지지도에 나타난 북한의 상징정치 = Чон Юсок, Квак Ынгён. Символическая политика Северной Кореи в выездном руководстве Ким Ченгына // 현대북한연구. — 2015. — 제18권, 제3호. — С. 156–224. — DOI 10.17321/mks.2015.18.3.004.

19. 조은희. 북한의 답사행군을 통해 본 혁명전통의 의례 만들기 = Чо Ынхи. Создание ритуала революционной традиции через северокорейские походы к революционным местам // 현대북한연구. — 2007. — 제10권, 제2호. — С. 100–150.

MATERIALS

1. Kim Jong-eun (2012). The children of the revolutionaries should become the reliable backbone of the Songun revolution, firmly continuing the Mangyongdae bloodline and the Paektu bloodline.

2. Kim Jong-eun (2014a). Let us hasten the final victory with the revolutionary ideological offensive.

3. Kim Jong-un (2014b). Let us live and fight with the revolutionary spirit of Paektu, with the spirit of the icy wind of Paektu.

4. Kim Jong-un (2015a). Let us live and fight with the revolutionary spirit of Paektu, with the spirit of the icy wind of Paektu. New Year's Address on the Occasion of the 104th Year of Juche.

5. Kim Jong-un (2015b). New Year's Address on the Occasion of the 104th Year of Juche.

6. Kim Jong-eun (2016). Report of the Party Central Committee at the 7th Congress of the Workers' Party of Korea.

7. Kim Jong-eun (2021). About the report made at the 8th Congress of the Workers' Party of Korea.

8. Rodong sinmun (2024a). A scientific conference in the field of social sciences was held on 10th anniversary of the publication of the classic work of the respected Comrade Kim Jong-un's "Let Us Accelerate the Final Victory Through the Revolutionary Ideological Offensive".

9. Rodong Sinmun (2024b). A Stream of Longing and Veneration Flowing in the Historical Shrine of the Revolution.

10. Rodong Sinmun (2024v). All-Korean grassroots propagandists of the Women's Union visited revolutionary memorial sites in the Baekdusan area.

11. Rodong Sinmun (2024). The sublime spirit of the anti-Japanese predecessors who accomplished the cause of liberating the motherland will be immortalized along with the victorious advancement of the Juche revolution.

12. Rodong sinmun (2024). On the occasion of the 79th anniversary of the liberation of the Motherland, an oratorical meeting of youth and students "For the continuation of the revolutionary spirit of Paektu – 2024" was held.

13. Rodong Sinmun (2025a). The Revolutionary Thought of the Esteemed Comrade General Secretary is the Guiding Banner Ushering in a Period of All-Round Prosperity for Our Country.

14. Rodong Sinmun (2025b). Let us continue from generation to generation the victorious history of our revolution that began in Paektu.

15. Rodong Sinmun (2025v). A meeting was held on the occasion of the departure of workers and trade union members on an all-Korean march to the revolutionary memorial sites of the Paektusan area.

16. Rodong Sinmun (2026). Participants of the All-Korean Youth March to the Revolutionary Memorial Sites of the Paektusan Area Climbed the Sacred Mountain of the Revolution, Paektusan.

17. KCNA (2012). In the presence of respected comrade Kim Jong-un, the unveiling ceremony of the statues of the great generalissimos was held at the Mangyongdae Revolutionary School.

REFERENCES

1. Asmolov, K. V., Zakharova, L. V. (2022). Sovremennaya Severnaya Koreya: pervoe desyatiletie epokhi Kim Chen Yna (2012–2021) = Contemporary North Korea: The first decade of the Kim Jong Un era (2012–2021). Moscow: IKSA RAN, 440 p. <https://doi.org/10.48647/IFES.2022.83.95.009>.

2. Kim, N. N., Solovyev, A. V. (2023). Antikolonialnye i postkolonialnye narrativy v kontekste politicheskogo mifa v KNDR i Respublike Koreya = Anti-colonial and post-colonial narratives in the context of political myth in the DPRK and the Republic of Korea. *Journal of International Analytics*, 14(2), 49–72. <https://doi.org/10.46272/2587-8476-2023-14-2-49-72>.

3. Kurbanov, S. O. (2018). Istoriya Korei s drevnosti do nachala XXI veka = History of Korea from antiquity to the early 21st century (3rd ed.). St. Petersburg: St. Petersburg University Press, 740 p.

4. Dijk, T. A. van (1998). Ideology: A multidisciplinary approach. London: Sage, 374 p.

5. Fairclough, N. (1995). Critical discourse analysis: The critical study of language. London: Longman, 265 p.

6. Kwon, K., Kim, P. H. (2019). Will the dormant volcano erupt again? Mt. Paektu and contemporary Sino-Korean relations. *The Asia-Pacific Journal: Japan Focus*, 17(1), article 5232. <https://doi.org/10.1017/S1557466019014955>.

7. Lee, J. (2024). Collective memory and everyday politics in North Korea: A qualitative text analysis of New Year statements, 1946–2019. *Asian Studies Review*, 48(2), 270–288. <https://doi.org/10.1080/10357823.2023.2226814>.

8. Lim, J.-C. (2015). Leader symbols and personality cult in North Korea: The leader state. London; New York: Routledge, 146 p.

9. Kim, Gap-sik. (2012). Bukhan Kim Jeong-eun jeonggwonui chulbeomgwa jeongchijeok gwaje = The launch of the North

Korean Kim Jong Un regime and its political tasks. *Unification Policy Studies*, 21(1), 1–24.

10. Kim, Seok-hyang, Park, Min-joo. (2019). Joseon yeoseong gisa jemoge deungjanghaneun “Kim Jeong-suk” hochingui uimi gujo bunseok = Analysis of the semantic structure of the name “Kim Jong Suk” in titles of articles in Joseon Yeoseong. *North Korean Studies Review*, 22(3), 131–173. <https://doi.org/10.17321/mks.2019.22.3.004>.

11. Kim, Jong-soo. (2013). Bukhan Kim Jeong-eun sidae cheongnyeondongmaeng yeongu = A study on the Youth League of North Korea in the Kim Jong Un era. *Unification Policy Studies*, 22(2), 51–78.

12. Park, Gye-ri. (2011). Baekdusan: mandeureojin jeontong-gwa pyoseang = Mt Paektu: Invented tradition and representation. *Reviews on the Art History*, 36, 43–74.

13. Park, Seong-yeol, Jeong, Won-hui, Han, Ji-man. (2022). Bukhanui sangjing jeongchi: Kim Jeong-eun sidae Samjiyon jungsimeuro = Symbolic politics in North Korea: Focusing on Samjiyon in the Kim Jong Un era. *Unification Policy Studies*, 31(1), 31–77. <https://doi.org/10.33728/ups.2022.31.1.002>.

14. Eom, Hyeon-suk. (2018). Bukhan usanghwa gyoyugui jeollak bunseok = Analysis of strategies of North Korean idolization education. *North Korean Studies Review*, 21(1), 126–173. <https://doi.org/10.17321/mks.2018.21.1.004>.

15. Oh, Kyung-seob, Kim, Jin-ha, Park, Hyeon-jung, Han, Byung-jin, Kim, Esther. (2021). Kim Jeong-eun jibaechaje guchukgwa gwollyeok anjeonghwa = Construction of Kim Jong Un’s ruling system and stabilization of power. Seoul: Korea Institute for National Unification, 231 p.

16. Lee, Woo-young. (2002). Bukhan sahoeui sangjing chegye yeongu: hyeongmyeong guhoui byeonhwareul jungsimeuro = A study of the symbolic system of North Korean society: Focusing on changes in revolutionary slogans. Seoul: Korea Institute for National Unification.

17. Park, Seong-yeol, Jeong, Won-hui, Han, Ji-man. (2022). Bukhanui sangjing jeongchi: Kim Jeong-eun sidae Samjiyon jungsimeuro = Symbolic politics in North Korea: Focusing on Samjiyon in the Kim Jong Un era. *Unification Policy Studies*, 31(1), 31–77. <https://doi.org/10.33728/ups.2022.31.1.002>.

18. Jeong, Yu-seok, Kwak, Eun-gyeong. (2015). Kim Jeong-eun hyeonjjidoe natanan Bukhanui sangjingjeongchi = Symbolic politics of North Korea shown in Kim Jong Un’s field guidance. *North Korean Studies Review*, 18(3), 156–224. <https://doi.org/10.17321/mks.2015.18.3.004>.

19. Cho, Eun-hee. (2007). Bukhanui dapsahaengguneul tonghae bon hyeongmyeong jeontongui uirye mandeulgi = Ritualizing revolutionary tradition through North Korean study marches. *North Korean Studies Review*, 10(2), 100–150.